

A black and white photograph of a forest scene. In the foreground, there is a grassy area with some small white flowers. A fallen log lies on the ground. In the middle ground, a person is standing, looking towards the forest. The background is filled with tall, slender trees, likely birches, with their characteristic white bark and dark trunks. The overall atmosphere is quiet and natural.

ПЕТР ПЕТРОВИЧ
КОТЕЛЬНИКОВ

**ИЗ ЖИВЫХ КЛЮЧЕЙ
ТВОИХ, РОССИЯ**

Петр Котельников

Из живых ключей твоих, Россия

«Издательские решения»

Котельников П. П.

Из живых ключей твоих, Россия / П. П. Котельников —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749978-5

Какой смысл спорить теперь о том, откуда и когда пришли на землю нашу предки наши? Возможно, что они исстари проживали по берегам Десны и Сейма. И имя племени моему — древляне. Корень слова этого — дерево. Может, потому, что леса непроходимые были здесь? А может потому, что древнее других были?

ISBN 978-5-44-749978-5

© Котельников П. П.
© Издательские решения

Содержание

Из живых ключей твоих...	6
Мужичище ты – деревенщина!	7
Славянин	8
Кто мы?	10
Крепостные	11
Глянь на мои просторы	13
Памяти Котельникова Иосифа	14
Не ждали	16
Сторона моя	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Из живых ключей твоих, Россия

Петр Петрович Котельников

Редактор Олег Петрович Котельников

© Петр Петрович Котельников, 2017

ISBN 978-5-4474-9978-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Из живых ключей твоих...

Из живых ключей твоих, Россия,
Вышел удивительный народ!..
Смерть его косила – не скосила,
Поглощая жизни каждый год.

Как его не били, не пытали, —
Выбить невозможно русский дух, —
Дух славянский, самой крепкой стали,
И к тому же легкий, словно пух.

Терпелив к обидам и невзгодам,
Он к другим на помощь приходил,
Отправлялся в дальние походы,
Впредь у Бога помощи просил.

Жизнь отдать за Родину, за веру
Доблести считалось образцом.
Часто отдавалась жизнь без меры,
Становилось меньше молодых.

Тело слабо – раковина в вере,
Как болезнью вызванная плешь...
Властью завладели лицемеры.
В русском духе появилась брешь!

Может брешь исчезнет, но не сразу,
От нее останется рубец.
Только не по чуждому приказу —
Дух рожаем волею сердец!

Дух растет, и снова тело в силе.
Этот путь намечен, Богом дан.
Из живых ключей твоих, Россия,
Снова возродится дух славян!

Мужичище ты – деревенщина!

Часто приходится слышать о том, что русская ругань не имеет себе равных, что она обогатила нецензурный язык всех племен и народов. Следует сказать, что предки наши в домашнем обиходе редко прибегали к бранным словам. Слышите? Бранные слова, брань... Корень этих слов связан с битвами.

Сходились враждебные силы на поле брани. Не сразу бойцы бросались в бой. Нужно было распалить себя до готовности... За иллюстрацией обратимся к исторической хронике времен существования Киевской Руси. Шел 1018 год. Между сыновьями князя Владимира, прозванного в былинах Красным Солнышком, Ярославом и Святополком вражда за престол разгоралась. Потерпев поражение от брата в 1016 году у городка Любеч, и, приняв ледяное купание в водах замерзающего озера, Святополк, отогревшись в хоромы польского короля Болеслава, решил еще раз попытать воинского счастья. Как полководец, Святополк ничем себя выдающим не проявил. Руководство объединенными войсками принял на себя польский король Болеслав, прозванный Храбрым. С войском Ярослава поляки встретились у реки Буг. Долго стояли по обе стороны реки, не решаясь ее перейти. По обычаю тех времен поляки и русские кричали друг другу через реку оскорбления. Бойцы обеих сторон терпели. Но, когда один остряк-новгородец прокричал, что проткнет колом брюхо толстое Болеславу, король, действительно мужчина чрезмерно упитанный, оскорбился несказанно. Самолюбивый польский король бросился на коне в воду. Вслед за своим королем реку Буг форсировали и польские рыцари. Новгородская рать, возглавляемая Ярославом, была полностью разбита. Разгоряченные польские всадники рубили спасавшихся бегством русичей. Сам Ярослав с четырьмя спутниками успел сбежать в Киев, а потом перебрался в Новгород. Оскорбления были катализатором гнева. Бойцы той и другой стороны, понимая, что гнев является тем состоянием, которое пересиливает страх смерти, оскорблениями друг друга доводили до бешенства, поднимая свой воинственный дух. Отсюда, слова, употребляемые ими, получили название бранных слов. Все мог снести боец, многое мог простить, но никогда не мог простить оскорбление, затрагивающее честь самого близкого, самого дорогого существа, а им была мать. Вот откуда в наш быт вошли слова, называемые нами матерщиной. Широкое распространение этих слов – свидетельство небывалого падения нравственности. В древности нанесение оскорблений этими словам представителю одного и того же рода, племени сурово наказывалось, вплоть до изгнания, что равносильно было смерти. В племенах шло расслоение, появилась «знать», от знакомого всем слова значимость. Представитель знати искал слова, которыми мог безнаказанно для себя оскорбить менее значимого в племени человека. В былинах, – а они пришли к нам из глубин времен, – можно слышать такое выражение: «Мужичище ты, деревенщина!» Для меня, выходца из деревни оно не оскорбительно, поскольку подчеркивает и усиливает много значащих для меня слов. Мужичище, – от слова муж, – превосходная степень, подчеркивающая некоторую грубость, а, следовательно, и силу. Ну, а слово «деревенщина», я думаю, в комментариях не нуждается. Произносящий его подчеркивал свою изнеженность, утонченность, более подходящие женщине, чем мужчине. Отсюда у таких лиц появилось позднее желание лишать растительности свое лицо – бриться. Вспомните, как воспринимали люди русские лишение их бород по указу Петра Великого? Сколько слез это стоило? Всей семьей оплакивали потерю бороды. Потерять ее было равносильно сраму великому.

Крестьян срам этот не коснулся, императором было дано им разрешение носить бороды.

Славянин

Я – русский, славянин, курянин,
Не голубых кровей, а красной,
Я – государственный крестьянин,
Души открытой, страстной!

Служили предки батюшке царю,
Пахали, сеяли, государя кормили,
За них и за себя судьбу благодарю,
Средь нас предатели не были.

По зову государя и в поход!
Зачем? Куда?.. не стоило бояться,
На ворога скликается народ, —
«Не посрамим земли российской, братцы!»

А там уже судьба, кому как повезет,
С почетом ли вернется из похода,
Иль меч головушку кудрявую ссечет,
Что делать? Так угодно Богу!

Мой предок князю Игорю служил,
Был верен господину до конца,
И в битве буйну голову сложил,
Испив водицы из реки Донца.

А так, смиренный был народ,
Хоть не богато жили, не роптали,
А чтоб крестьянский продолжался род,
Детей помногу русичи рожали.

Своим отцом и дедами горжусь,
Судить ни одного я не имею права,
Их кровью, жизнями Святая Русь
Превращена в великую державу.

Стыдитесь осуждать своих отцов,
Вы им обязаны не только жизнью,
Не их вина, в конце концов,
Что вы так дурно служите отчизне.

Какой смысл спорить теперь о том, откуда и когда пришли на землю нашу предки наши? Возможно, что они исстари проживали по берегам Десны и Сейма. И имя племени моему – древляне. Корень слова этого – дерево. Может, потому, что леса непроходимые были здесь? А может потому, что древнее других были? Опять слово слышится, в котором корень дерево. Думаю, что правильное – первое положение. В основе названия характеристика местности

была. Скажем, на месте нынешней Белоруссии жили родственники древлян – дреговичи. Слово «дрягва» означает – болото. Соседи с юга величались полянами, от слова «поле», степь. Городов прежде у славян не было. Люди вели два образа жизни. Одни занимались скотоводством. На месте они не сидели. Вечно в движении, которое зависело от состояния трав. Где останавлились, там и становище, «стан», значит, ставился. Сравните это слово со знакомым вам «станция». Мои предки оседлый образ жизни вели, селились. Отсюда и слово – селение, село. А какой строительный материал есть в лесу? Только – дерево. Отсюда и слово пошло – деревня. Огородили деревню оградой, деревня городом стала называться. А жили там, и там прежде люди одинаковых занятий. Вот, когда у горожан земли стало мало, они к занятию ремеслами перешли...

Кто мы?

Простой я – русский человек, —
(Не возникал вопрос).
Мой род крестьян из века в век,
Русь поднимал и нес!

Связавши с ней свою судьбу,
Мы не играли в труса,
Сражались за нее в бою,
Гордились тем, что – русы!

Теперь так много россиян, —
И глаз разрезы узкие, —
Таких далеких от славян,
Их называют русскими

Давно у русских доли нет,
Мы в праздники – герои,
А в остальные много лет,
Все русские – изгой!

Сгубило нас – «абы, кабы»,
И те ж – «Авось, небось!»
И стали русские – рабы,
А господа – вопрос? —

Я слышу часто слово – «Русь»,
Оно – в пучине бед.
Но, в ней, признаться не боюсь —
У власти русских нет!

У каждого народа есть территория, на которой проживали его предки. В истории немало случаев, когда территория приобреталась путем насильственного захвата. К сожалению, этот способ приобретения не изжил себя и в наше время. Насилие над людьми по этому признаку стало инструментом политики, приобретающей порой черты грубого, оголтелого национализма. Предки мои не жаловались на отсутствие земли. Они были государственными крестьянами, подати платили только церкви и царю.

Положение крепостных было совсем иным, их можно было продавать в списке с мебелью, обменивать на собак. Они составляли собственность помещика, и он мог делать с ними, как ему благорассудится.

Крепостные

Ну, почему мы все такие?
Идет прогресс, идет расцвет!
А мы, в России – крепостные,
И выхода иного нет.

Царь Александр нам дал свободу,
Но, что свобода без земли,
И нашу рабскую природу
На поводке всегда вели.

По хуторам, по отрубам,
Потом загнали всех в колхозы,
А муки здесь, и муки там,
Мы проливаем пот и слезы.

Свобода есть, но нет земли,
А землю дали, нет свободы,
И оторваться от земли,
Не дали нашему народу.

И, наконец, к тому пришли,
К истокам. Все начать сначала?
Нет ни свободы, нет земли,
Есть просто сказка про мочало.

Накопление недовольства крестьян своим положением время от времени выливалось в выступления, перерастающие в открытые бунты. Для подавления их использовались крупные воинские соединения. Участвовал в подавлении восстания Пугачева и такой прославленный полководец, как Александр Васильевич Суворов.

Кто испытал крестьянский гнев,
Тот ярости народной не забудет —
Жестокости, цинизма беспредел...
Вина того, кто гнев селян разбудит!

Причина: вековая зависть,
Бесчинства, унижение, грабеж.
Межу переступил, – к чему лукавить, —
Начнется бунт – костей не соберешь!

Ломают все, летят со стен картины,
И превращают мебель на дрова.
На миг крестьяне разогнули спины.
Что дальше будет? Трын-трава!

И мрамор древний, вазы из Китая,
И многих поколений тяжкий труд —
В обломки разъяренный превращает,
На мир озлобившийся люд!

Семья помещика, до одного убита,
И челядь разбежалась, кто куда.
Горит поместье, пламенем обвито,
Да, это – настоящая беда!

Глянь на мои просторы

Но, если оставить все мрачные стороны человеческой жизни, пребывание в естественных природных условиях само по себе – величайшее благо. Недаром зажиточные люди стремятся покинуть стены самых цивилизованных городов, и выехать, хотя бы просто на берег реки...

Какой ты раз мне говоришь
Про горы, да про горы?
Прошу тебя, спускайся вниз,
Глянь на мои просторы.

Взгляни на быструю реку,
Взгляни на эти хаты,
Не часто встретишь на веку
Таких земель богатых.

Какие чудные сады,
Цветы белее снега.
Оглоблю, скажем, садишь ты,
А вырастет – телега!

Землей своею дорожу,
Не знаю я иной,
Дороже золота, скажу,
Мне горсть земли родной!

Я на чужбине – тут же грусть
По родине, поверь мне?
Ничто мне не заменит Русь,
Красот моей деревни.

К сожалению, представители моего народа отвратительно относятся к памяти предков. И, если, потомки дворянских родов еще знают что-то о своей родословной, пусть и не до глубоких седин времени, то потомки крестьянских семей о том, кто был их дед, тем более прадед – не знают. Я, чтя память того, чью фамилию ношу с гордостью, посвящаю несколько строк ему...

Памяти Котельникова Иосифа

Глухая ночь. На ветлах шапки гнезд,
Под ними не найти следов могилы.
А в черном небе россыпь ярких звезд
И бледный диск полночного светила.

Давно ограды нет. Церковный холм
В венце кустов и буйных сорных трав.
Там, в стороне, забитый в землю кол,
Да в метре от него зияющий провал.

Мир запустения и памяти людской, —
Здесь хоронили прежде именитых,
В духовной жизни и мирской,
А ныне незаслуженно забытых.

На их могилы не кладут цветов,
Не ведомы потомкам их могилы,
Лишь стрекотня цикад, ночные крики сов,
Да песни ветров, скорбных и унылых

Слышны. Живым тебя не видел, дед,
Ты в мир иной ушел, а я родился
Минуло в моей жизни много лет,
Но я тобой особенно гордился.

И, если бы, перешагнув рубеж времен, я мог.
Прийти к тебе и низко поклониться,
Тебе – строитель церкви и дорог,
Почетный мещанин из Рыльска.

К сожалению великому, судьба жестоко обошлась с местом захоронения деда моего, построившего в деревне моей красивую церковь, похороненного в ограде ее за эту заслугу.

На месте церкви той и небольшого сельского кладбища проложена теперь асфальтированная дорога. Вот – образец отношения власти к памяти своих сограждан!

Не всегда жизнь встречает приветливо появляющегося на свет нового человека, тем более, тогда, когда тому захотелось познакомиться с миром раньше положенного времени. Ни природа, ни родители не готовятся к такому акту неповиновения. Если в городе любопытного недоношенного ждут многие неприятности, то, что говорить о селе, которому нужны сильные, крепкие люди. Со слабыми не церемонились нигде и никогда. Слабых в древней Спарте живыми в пропасть бросали. Мне еще здорово повезло, что родился в глубинке российских просторов, на которых тогда не покушались на жизнь младенца, глубокомысленно говоря: «Бог дал, Бог и возьмет!» Родился я в деревне, где самого рождения ребенка всегда ожидали с радостью, даже тогда, когда семьи были многодетными. Правда, рождение девочки встречалось без особенной радости. Знали, что вырастет девушка, в чужую семью уйдет. К тому же и приращение за ней следует давать. А это – разорение, и только! Иное дело мальчишка. Рождался

новый работник, руки, и ноги которого никогда в крестьянском хозяйстве не были лишними. Но какой, скажите, пожалуйста, из хилого, болезненного ребенка вырастет работник?..

Не ждали

Рождение одного – судьбы подарок,
Другого – непредвиденный скандал,
В февральскую пургу рожден недаром,
В семье меня никто не ожидал.

Мир встретил далеко не лаской,
Хотя я на него, пожалуй, не в обиде, —
Все новое встречается с опаской.
А я явился в неприглядном виде.

Лицо морщинисто, головка с кулачок,
Кишечник четко виден через кожу,
И на спине седых волос пучок,
Мать обомлела на родильном ложе

Позвали предсказательницу в дом.
Та, губы долго пожевав, сказала:
«Нет, не жилец! Вишь, воздух ловит ртом?
Подобного уродца не видала!».

С душевной болью с нею согласились,
Не согласился с ними только я,
За жизнь цеплялся, что хватало силы, —
Какою б не была, она была моя.

Один беду встречает прямо, грудью,
Другой – покорно подставляет спину.
Мне постоянно приходилось трудно —
Пытался отыскать истоки и причины...

Один любовью окружен с рожденья,
Другому – подзатыльники, тычки.
Жизнь одного – приятное скольжение,
Другому на пути – загуленки, сучки.

Все постигалось мною потом, кровью.
Я об удаче даже не мечтал...
И за любовь свою расплачивался болью,
Но от того любить не перестал.

Возможно, глянет свет в мое оконце, —
Ведь для чего-то создан я, рожден?
Кого-то ласково одаривает солнце,
А я всегда под проливным дождем.

Вот и появился на свет раб божий, чтобы, прочертив деяниями своими жизненный путь, и закончить его. Местность, где я родился, на всю жизнь след яркий, красочный в душе оставила.

Сторона моя

Ты с буранами повенчана,
Да с морозами приличными,
Сторона моя бревенчатая,
С деревянными наличниками.

По утрам с густыми росами,
С непроглядными туманами,
Да с кудрявыми березами,
Да с дубами великанами,

Да с потешными боями,
Да с цепами молотильными,
Да с гармошками, баянами,
Да с застольями обильными

Разудалые ребятушки,
Русокосые красавицы,
Ты, Россия, моя матушка
Хлебосольством своим слависься.

И с печалью безутешною,
Душу Богу исповедую,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.